

УДК 165

DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-2-94-103

EDN: PIWYJZ

А. М. КАРДАШ

Институт философии
Национальной академии наук Беларуси,
г. Минск, Беларусь

ЭКСТЕРНАЛИЗМ И ЗНАНИЕ: КАК СЛЕДОВАТЬ ПРАВИЛАМ

В статье показано, что проблема следования правилу Крипке–Витгенштейна предполагает посылку эпистемического интернализма, которая неправомерно ограничивает допустимые ответы относительно того, как агенты могут знать правила или значения языковых выражений. В связи с этим аргументируется, что рассматриваемая проблема касается не знания правил или значения вообще, а только атрибуции пропозиционального знания по интерналистским критериям. На этом основании делается вывод о том, что отказ от интерналистской посылки в прямом решении Евгения Борисова позволяет избежать критики, выдвинутой Андреем Нехаевым.

Ключевые слова: локальный скептицизм, следование правилу, знание-как, экстернализм, интернализм, эпистемология.

1. Введение. Данный текст преследует несколько целей. Первая из них — показать, что поставленная Крипке скептическая проблема следования правилу предполагает посылку эпистемического интернализма, тем самым неправомерно ограничивая допустимые ответы относительно того, как агенты могут знать правила или значения языковых выражений. В связи с этим будет утверждаться, что рассматриваемая проблема касается не знания правил или значения вообще, а только атрибуции пропозиционального знания по интерналистским критериям.

Вторая цель — показать, как гибридное в эпистемологическом отношении прямое решение парадокса следования правилу Евгения Борисова [1] может избежать критики, выдвинутой Андреем Нехаевым [2]. Будет показано, что агент может знать, как употреблять слова со значением, не имея идеальной осведомленности о значении языковых выражений. Один из ключевых доводов Борисова будет рассмотрен как аргумент в пользу данного тезиса.

2. Зачем решать проблему следования правилу? Представьте ситуацию, что в свой выходной вы решили сходить в зоопарк. Прогуливаясь мимо разнообразных животных, вы оказываетесь у большого вольера, засеянного травой. Внутри загона вы видите животное, которое, совершенно не обращая на вас внимания, склоняет голову и начинает щипать травку. Зверь походит на жеребенка лошади, но явно отличается окрасом в черно-белую полоску. Характерный ‘ирокез’ животного, возможно, напомнит о юности, но ностальгия отношения к делу не имеет. Собрав все признаки воедино, вы пой-

мете, что увидели зебру. Возможно, даже впервые вживую. Более того, у вольера вы обнаружите информационный стенд, подтверждающий, что здесь действительно размещена саванная зебра.

Что же, вы в зоопарке, перед вами зебра и на вольере с ней написано ‘зебра’. Ошибки быть не может — вы *знаете*, что перед вами зебра. Вскоре к вам подходит другой посетитель и, указывая на зебру, задает вопрос: ‘Как вы думаете, что это за животное?’. Без тени сомнения вы отвечаете: ‘Зебра’. Однако ухмыльнувшись, посетитель, подобно бывалому разрушителю эпистемических надежд, задает новый вопрос: ‘А откуда вы знаете, что это не покрашенный в полоску мул?’.

Данный широко известный в эпистемологии пример был предложен Фредом Дрекке. По его же собственному признанию, этот пример «глуповат, но не более глуп, чем большинство известных нам скептических аргументов» [3, р. 1015]. Суть содержащегося в нем аргумента в следующем: (1) у вас есть множество свидетельств в пользу того, что вы видите перед собой зебру; (2) так как из пропозиции ‘в вольере находится зебра’ следует пропозиция ‘в вольере не находится покрашенный в полоску мул’, считается, что если вы знаете, что перед вами зебра, то из этого следует, что вы также знаете, что перед вами не покрашенный в полоску мул¹; (3) специфика ситуации в том, что доступные вам свидетельства в пользу первой пропозиции не кажутся столь же хорошими и прямыми свидетельствами в пользу второй; (4) ввиду этого, если кто-то напрямую спросит вас о том, знаете ли вы, что перед вами не покрашенный в полоску мул, то в *естественной* ситуации вы скорее всего начне-

те сомневаться в том, зебра ли перед вами, несмотря на все свидетельства.

Пример показывает, что речевые акты влияют на атрибуцию знания, включая атрибуцию знания самому себе. Наряду с этим можно заметить, что атрибуция знания неидеально коррелирует с его наличием. Как мне видится, в этом и состоит часть оригинального посыла Дрекке — знание посетителя зоопарка, что перед ним зебра, не зависит от его уверенности в том, обладает или не обладает он таким знанием. Такое знание в большей степени зависит от того, что полагается его предметом и соответствует ли это полагание положению дел. Скептическая же аргументация обычно направлена именно на уверенность субъекта в знании, и когда эта уверенность подорвана, то скептицизм распространяется и на сами явления.

Представим теперь, что в день посещения зоопарка вам встретился скептик, суждения которого Сол Крипке рассматривал в своем знаменитом обсуждении проблемы следования правилу [7]. Он мог бы спросить вас, действительно ли вы всегда, когда буквальным образом употребляете слово 'зебра', подразумеваете под ним такое животное, как зебра? Следует ли вы правилу, предписывающему называть зебру 'зеброй'? Поскольку ваш собеседник, как кажется, не считает, что вы пытаетесь следовать сравнительно более странному правилу называть 'зеброй' пешеходный переход или определенный вид животных, то с ним вполне можно было бы согласиться.

Но представьте теперь, он вам говорит, что животное, которое вы назвали 'зеброй' — это на самом деле зеброд. Естественно, в этот момент никакого заговора владельцев зоопарка нет, и настоящие зебры просто в данный момент отдыхают под настилом в углу вольера. Так получилось, что конкретно этот зеброд визуально очень похож на зебру и оказался перед вами. Таким образом скептик из текстов Крипке показал, что вы, сами того не зная, употребляли слово 'зебра' так, что оно совместимо как с правилом употребления, предполагающим наименование 'зебрами' только зебр, так и зебр с зеброидами. Важно, что вы не просто ошиблись в частной ситуации, а допустили такого рода 'ошибку', которая заставляет переосмыслить то, что вы делали ранее, совершая то же самое, что и в рассматриваемой частной ситуации. С этого момента нетрудно понять, что ваше употребление как этого, так и других слов принципиально совместимо с множеством правил их употребления, а поэтому всегда есть повод для сомнения в том, о чем именно идет речь. Когда вы как-то называете животное перед собой, то вы выдвигаете эмпирическую теорию о доступном вам наборе фактов, но сам по себе этот набор фактов всегда допускает и альтернативные интерпретации [ср. с этим: 1, с. 25].

Но зачем ставить подобные проблемы и размышлять над их решениями? Полагаю, что проблема следования правилу является не только теоретической головоломкой, но и в некотором виде может встретиться нам на практике². Если случай с зеброй и зеброидом кажется слишком бытовым, то нетрудно представить схожий социальный или политический пример. Допустим, что кандидат в президенты обещает, что будет вести политику, направленную на повышение благосостояния своих граждан. Пожалуй, практически любой гражданин персонально и материально окажется заинтересован в правиле, в соответствии с которым будут делаться заявления

о том, что их благосостояние повышается. Рискуно предположить, что избиратели бы расстроились, узнав, что их кандидат адаптивно изменял бы правило, которым руководствуется, используя любые контекстуально позитивные экономические метрики для утверждений о повышении благосостояния.

Неопределенность в интерпретации языковых выражений, фактов и слов может использоваться в корыстных целях. Открытая Крипке проблема высвечивает важный драйвер подобных манипуляций — совместимость новой интерпретации (правила) с прошлыми фактами (употреблением). Неслучайно Крипке ассоциировал с Витгенштейном социальное или коммунальное решение проблемы следования правилу, которое состоит в том, что значение слов утверждается грубым согласием в рамках сообщества (витгенштейнианской формы жизни) [7, с. 91–92].

3. Прямое решение и его критика. Учитывая, что некоторое решение проблемы следования правилу может понадобиться нам в качестве практического инструмента оценки заявлений, особое преимущество в таком свете получают подходы, претендующие на простоту и теоретическую экономность. Чем проще представить приложение некоторого решения к естественным 'эрзацам' проблемы следования правилу, тем более инструментально полезным можно признать подобное решение.

Борисов предлагает модифицировать 'умеренное' решение Всеволода Ладова [8], превратив его тем самым в полноценное прямое решение. Такое новое решение выглядит и теоретически экономным, и крайне простым для практического приложения [1]. Однако Нехаев критикует прямое решение Борисова, считая, что оно не подходит для разрешения проблемы следования правилу в смысле локального скептицизма о значении [2]. Поскольку решение предполагает несколько шагов, то рассмотрим их последовательно, обращая внимания на моменты, которые подверглись критике.

Первый шаг предполагает указание на перформативное противоречие в словах скептика, утверждающего, что 'никакие языковые выражения не обладают значением'. Данный аргумент был выдвинут Ладовым [8, с. 315–317] и именно его усиливает Борисов. Сама возможность произвести речевой акт, включающий в себя вышеобозначенное высказывание, подразумевает, что мы можем понять, что значат слова скептика. В противном случае он просто не смог бы нам сообщить свою позицию. Здесь можно говорить не только о перформативном противоречии, но и о самоопровержении. Если языковые выражения действительно не обладают никаким значением, то это касается и высказываний о том, что 'никакие языковые выражения не имеют значений'. В этом смысле скептику следовало бы воздержаться от суждений и промолчать о том, о чем невозможно сказать. Если же допустить, что скептик из текстов Крипке настаивает на том, что языковые выражения *действительно* не обладают значением, то в таком случае он также опровергает сам себя, делая высказывание, имеющее значение.

В своем критическом ответе Нехаев указывает на разницу между тотальным и локальным скептицизмом в отношении следования правилам. Я также склоняюсь к тому, что Крипке действительно подразумевает локальный скептицизм, однако становится ли ввиду этого ситуация с самоопровержением значительно лучше? Допустим, скептик

утверждает, что 'вы никогда не знаете достоверно, с каким именно значением употребляете языковые выражения'. В целом, он с легкостью может настаивать на том, что это действительно *так*, поскольку если мы распространяем это положение на само положение, то скептику остается только объяснить, как мы поняли друг друга, не имея доступа к словам с фиксированным значением. Здесь он может с легкостью сослаться на то, что он и собеседник находятся в рамках одной и той же формы жизни, которая и задает интерсубъективную модель достояточной интерпретации слов друг друга.

Но не наблюдаем ли мы здесь эквивокации? Скептический пафос начального высказывания строится на том, что мы считываем начальное высказывание *дотеоретическим* образом, как высказывание о том, что любое слово может значить буквально что угодно. Как бы это иронично ни прозвучало, но возможная неоднозначность значения при обыденном прочтении позволяет локальному скептицизму соскальзывать в тотальный. Поскольку дотеоретическая трактовка явно подпадает под обвинение в перформативном противоречии, скептик дает *теоретическую* трактовку того, что означает отсутствие доступа к фиксированному значению слов. Например, он говорит о том, что у слов нет фиксированного значения вне определенной формы жизни. В этом смысле становится понятным и то, почему Борисов нацеливается на тотальный скептицизм относительно значения и почему его решение применимо и к скептицизму локальному.

При теоретической трактовке скептицизм действительно оказывается очень локальным — касающимся невозможности индивидуального языка, то есть невозможности найти факт, утверждающий значение слов посредством индивидуальной интроспекции. Если нам кажется, что мы всегда посредством интроспекции знаем, каким значением наделяем собственные слова, то проблема следования правилу проблематизирует именно сам источник получения подобного знания о значении.

Следующий шаг Борисов усиливает 'умеренное' решение Ладова, указывая на то, что: «Мы (люди) либо говорим, либо нет. Если мы не говорим (даже если производим звуки и секвенции букв), то дискуссия не может быть продолжена, потому что она еще не началась. Если же мы говорим, то давайте обратим внимание на тот факт, что речевой акт отличается от производства звуков или букв тем, что агент 1) наделяет свои слова значениями; 2) достоверно знает, какими значениями он наделяет свои слова. Таким образом, если речевые акты существуют, то существует и знание значений агентами речи» [1, с. 27].

Критика Нехаева не зря называет подход Борисова картезианской семантикой, поскольку предлагаемое последним решение — это практически эпистемический фундаментализм, взятый из палаты мер и весов³. Практически, поскольку у подхода Борисова одновременно с этим есть радикально различие с картезианским фундаментализмом — осознавая сложности, связанные с опорой на факты, полученные в ходе интроспекции, Борисов вводит некий ее не-ментальный аналог, называемый 'интроспекцией₂'. Приведу авторскую трактовку: «Здесь будет уместно различить два вида интроспекции: обозначим их 'интроспекция₁' и 'интроспекция₂'. Интроспекция₁ — это источник эмпирических данных о собственном сознании; интроспекция₂ — это знание о значениях как составная часть

речевого акта. Интроспекцию₂ не следует понимать в том смысле, что агент наблюдает свой собственный акт надления слов значениями: в этом случае интроспекция₂ была бы разновидностью интроспекции₁. Интроспекция₂ не является результатом наблюдения за какими-либо действиями агента; при этом она является неотъемлемой частью этого акта. Интроспекция₁, как и любой источник эмпирических данных, не дает достоверного знания; именно на этом основании скептик Крипке отвергает апелляции к ней. Но интроспекция₂ не является источником эмпирических данных, поэтому против нее скептическая аргументация (во всяком случае, аргументация скептика Крипке) не действует» [1, с. 28].

Было бы вполне естественным понимать такую 'интроспекцию' как некую способность производить значение слов, как некоторое знание-как [ср. с этим: 2, с. 66]. Соответственно, концептуальный груз прямого решения проблемы следования правилу явно падает на этот самый концепт 'интроспекции₂', а если она является формой знания-как, то и на представления о нем.

Сам же картезианский элемент прослеживается в связке двух условий речевого акта, предлагаемых Борисовым. Первое условие говорит о том, что агент «*наделяет* свои слова значением», а второе о том, что он «*достоверно* знает, какими значениями он наделяет свои слова» [1, с. 27; курсив мой. — А. К.]. Я выделил курсивом слова, которые напрашиваются на картезианскую трактовку, но, учитывая, что к надлению слов значением приводит 'интроспекция₂', которая не является интроспекцией в обычном смысле слова, я считаю, что от картезианского элемента (и соответствующий критики) можно избавиться.

Дело в том, что критика Нехаева в целом полагается на интерналистскую посылку о том, что «иметь достоверные знания о каком-либо X, и в частности о значении *m* языкового выражения 'e', означает — предоставить некоторый факт (knowledge-maker), успешно выполняющий работу по независимому обоснованию такого знания» [2, с. 69]. Здесь смешивается легитимная атрибуция знания субъекту в коммуникации и наличие знания как такового. Чтобы сказать, что кто-то нечто знает или не знает, нам действительно нужен некоторый повод — некоторое обоснование. Однако из того, что субъект может предоставить независимое обоснование своей позиции и, допустим, этого достаточно, чтобы приписать ему знание, необязательно следует, что субъект на самом деле знает. Кажется, в контексте обсуждения проблемы следования правилу особенно странно полагаться на то, что приписывание знания на основании чего-то, что нам предоставляет субъект, идеально коррелирует с наличием у него знания.

Данная посылка возникает неслучайно, поскольку предполагается уже у Крипке, когда его текст начинается с того, что правило сложения 'схватывается' посредством ментальной репрезентации [7, с. 14]. Скептик из текста Крипке также требует интроспективного ответа, подтверждающего, что жертва скептической аргументации действительно всегда подразумевала под знаком '+' сложение [7, с. 16–18]. В самых общих чертах эпистемический интернализм — это позиция, согласно которой эпистемические феномены (например, знание) конституируются внутренними по отношению к субъекту факторами [10, р. 3; 11; 12]. Некоторые философы, например Лоуренс Бонжур, во главу угла ставят бо-

лее специфичное условие, согласно которому интерналисты считают, что необходимые и достаточные условия знания (или другого эпистемического явления) должны быть когнитивно доступными для агента [13, р. 234–235]. Крипке же вполне ясно опирается на фоновую интерналистскую эпистемологию.

Решение Борисова выше было обозначено мной как форма эпистемического фундаментализма, ярким примером которого действительно является интерналистская эпистемология Декарта [13, р. 238, 241]. Но фундаментализм — это только тезис о том, что либо структура знания имеет фундамент в виде базовых положений, либо регресс в обосновании заканчивается на некоторых базовых факторах познания. Сами по себе эти положения и факторы не обязаны быть внутренними по отношению к субъекту (как у Декарта), а поэтому у нас есть явная опция экстерналистского прочтения⁴.

4. Интроспекция и знание-как. В современной эпистемологии тема интроспекции часто обсуждается в специфичном контексте дискуссии о КК-принципе (также известном как аксиома позитивной интроспекции), которая происходит на границе между формальной и неформальной философией. Согласно этому принципу, если субъект знает, что *p*, то он также знает о том, что знает, что *p*. Не вдаваясь в детали и тонкости, резюмируем доступный нам исторический итог длящихся вокруг КК-принципа дебатов.

Считается, что в рамках общей эпистемологии КК-принцип обычно поддерживают интерналисты — теоретики, утверждающие, что знание зависит от внутренних по отношению к субъекту факторов. В этом контексте требование знать о том, что ты знаешь посредством интроспекции или некоторой формы рефлексии выдвигается ими как конститутивное условие знания вообще. Как это прояснял Хинтикка, в естественном языке вопрос о том, знает ли человек о том, что он знает, предполагает попытку подтвердить, что человек *гостоврно* знает то, о чем говорит, а не только обладает информацией [15, с. 291].

Однако у КК-принципа есть нетривиальные формальные свойства. Например, нет никакого логического ограничения на то, на какой итерации 'знания о знании' все должно заканчиваться, чтобы признать что-либо знанием. Еще более нетривиальным для общей эпистемологии может оказаться то, что если выбрать конкретный порядок итерации, например, 657-й, то знание любого конкретного порядка можно сократить до знания первого порядка, если мы считаем само знание фактивным. Если пафос требования бесконечной рефлексивности еще как-то может быть теоретически обыгран в рамках интерналистской эпистемологии, то возможность свертывания порядков знания (глубины интроспекции) выглядит явно очень неудобной частью для эпистемологической трактовки⁵.

Все сказанное выше указывается для демонстрации того, что сторонники КК-принципа в эпистемологии — это теоретики-интерналисты, которые тем или иным образом атрибутируют знанию обязательную рефлексивность, требуют от агента высокой осведомленности о том, что он знает. Несмотря на использование того же наименования, они обычно не имеют в виду буквально то, что собой являет КК-принцип в рамках эпистемической логики.

Соответственно, экстерналисты предсказуемо отрицают КК-принцип в его эпистемологическом

изложении. В этом смысле они занимают позицию, согласно которой вы хотя бы в теории можете что-то знать, не зная о том, что вы это знаете. Мне кажется, что в этой возможности и кроется своеобразный ключ к экстерналистскому прочтению позиции Борисова. Когда знание значений языковых выражений полагается в качестве части речевого акта, то из этого автоматически не следует обязательство связывать знание с интроспекцией и требовать от субъекта достоверности в ее интерналистском понимании.

Для начала нужно понять, как возможна ситуация, в которой субъект не знает о том, что он нечто знает? Что собой представляет незнание о знании? В эпистемологии можно встретить подходящий пример о фермере и цыплятах [18, р. 61–63]. Наблюдая со стороны, мы фиксируем, что фермер крайне успешно определяет пол цыплят. Мы можем независимым образом это верифицировать. Когда же мы пытаемся спросить фермера, как же именно он отделяет цыплят по половому признаку, он отвечает нам: «Не знаю». Знает ли в итоге фермер, как определять пол цыплят?

Считается, что мыслители, склонные к интернализму насчет знания, отвечают, что фермер не знает, тогда как экстерналисты охотно соглашались с тем, что он знает. Но что именно экстерналисты полагают в данной ситуации в качестве знания, о котором не знает фермер?

Здесь нам поможет деление на знание-что и знание-как, введенное Гилбертом Райлом [19]. Тем более что 'интроспекция,' Борисова уже была обозначена в качестве знание-как в критике Нехаева. Известную разницу часто трактуют как разницу между теоретическим и практическим знанием, но здесь есть и другой смысл — связанный с нашей языковой интуицией относительно *атрибуции* знания. Мы четко разделяем такие случаи, как 'знание, что для езды на велосипеде нужно крутить педали' и 'знание как ездить на велосипеде'. Основной критерий здесь в том, что знание-что — это пропозициональное знание, относящиеся к некоторой пропозиции или утверждению, тогда как знание-как — это не только умение или навык, но и *воплощенная* (embodied) форма знания, выраженная не словами, а действиями или поведением. На русском языке данный момент нетрудно подчеркнуть, указав на разницу между ситуациями, когда человек знает, *что* говорить, и когда он знает, *как* говорить. Вполне ясно, что в этих ситуациях мы атрибутируем знание если и не по принципиально разным критериям, то, как минимум, ориентируясь на принципиально разные первоочередные факты, допускающие подобную атрибуцию.

В этой связи сразу же можно указать на метапознавательную диспропорцию: если знание-что выразить явно, то обычно мы так же явно можем сказать о том, что знаем о нем (если я знаю, что столица США — Вашингтон, то я также знаю, что знаю это); в противовес этому реализация знания-как не всегда подразумевает знание о том, что именно вы делаете. Например, человек может знать, как дышать в том смысле, что он действительно дышит, но при этом не знает, что именно происходит в его организме, когда он дышит, то есть не имеет возможности выразить свое практическое знание теоретически.

Когда Райл вводил деление на знание-что и знание-как, то он мотивировал это в том числе и тем, что «если для осмысленного исполнения лю-

бого действия необходимо, чтобы была исполнена, причем разумно, предваряющая его теоретическая операция, то окажется логически невозможным когда-либо разорвать этот порочный круг» [19, с. 39]. Райл хочет избежать требования бесконечной рефлексивности для знания и пишет о конкретизированном случае, когда предполагается, что знанию-как (умелому или корректному действию) всегда должно соответствовать второпорядковое знание-что (теоретическая операция). Ввиду этого стоит отметить, что само по себе деление на знание-что и знание-как предполагает возможность 'незнания-что о знании-как'. Предполагается, что человек может знать, как нечто делать, не зная достоверно, что именно он делает.

Уместно ради иллюстрации рассмотреть несколько примеров. Одним из них может выступить парадокс 'Что черепаха сказала Ахиллесу'. В нем черепаха и Ахиллес обсуждают логику условных суждений, вроде 'Если А и В, то С'. Черепаха, однако, просит суждение 'Если А и В, то С' записать как D, чтобы добавить его к оригинальному суждению, которое тогда будет, 'Если А, В и D, то С'. Хитрость состоит в том, что каждое новое суждение такого рода она предлагает записать отдельно и добавить к условиям логического вывода, тем самым делая его невозможным.

Как отмечает Питер Уинч, черепаха просто не совершает логического вывода, (хотя, вероятно, и знает, что это такое, по крайней мере, в той степени, в которой это пропозициональное знание позволяет ей задержать Ахиллеса) [20, с. 41–42]. Иначе говоря, парадокс можно рассмотреть так, что черепаха обладает знанием-что относительно логического вывода, но не знанием-как (или же намеренно не демонстрирует его перед Ахиллесом). На этом примере можно заметить, что если бы знание-как совершать логический вывод было бы воплощено в том, что черепаха все-таки сделала бы этот вывод, то мы бы легко идентифицировали знание-как, даже если бы черепаха сохранила молчание о том, что именно она сделала.

Знание-как, если мы его и выделяем как отдельную форму знания, может быть интроспективно недоступным. На эту тему можно вспомнить еще и известную сцену из *Менона*, а именно диалог Сократа с рабом, в котором он учит его геометрии [21]. Раб явно демонстрирует знание-как по критерию того, что он правильно действует и тем самым воплощает свое знание, и при этом он очевидно не обладает знанием-что. На этом примере можно увидеть, что знание-как очевидно может наличествовать до его конкретного воплощения, но до конкретного воплощения точно идентифицировать его представляется довольно затруднительным. Неслучайно в диалоге говорится о том, что раб *припомнил* геометрию.

Но на ситуацию можно взглянуть и другим образом, предположив, что раб ничего не припомнил и не обладал знанием-как заранее⁶. Знание-как было создано в рамках обмена речевыми актами. Иными словами, Сократ научил раба геометрии в буквальном смысле. Контраст со случаем знания как дышать в том, что знание как решать геометрические задачи может иметь явную поддержку в виде пропозиционального знания (вероятно, даже необходимую). Сократ все-таки должен знать, что именно спросить, чтобы его вопросы сформировали контекстуальную подсказку.

Таким образом со знанием-как мы получаем две значимые для текущего рассуждения опции: (1)

агент может обладать знанием-как, не зная об этом и не имея к этому интроспективного доступа; (2) агент может не знать, что при определенном научении или контекстуальных подсказках он овладеет и проявит определенное знание-как. Вторая опция, полагаю, хорошо знакома любому, кто когда-либо преподавал или учился. Первая же опция может быть проиллюстрирована такой ситуацией — поскольку изготовители программного обеспечения ориентируются на схожие представления о том, что собой должен представлять интерфейс и функционал программы, то, разобравшись с одной программой, вы можете обнаружить, что знаете, как что-то делать в программе даже совершенно иного типа⁷.

Теперь становится ясно, что в примере с фермером экстремалисты атрибутируют ему знание ввиду проявления очевидного и воплощенного знания-как. Одновременно с этим получается, что фермер обладает второпорядковым пропозициональным незнанием о своем первопорядковом знании-как. Вероятно, что это наиболее естественный способ приписывания 'незнания о знании' — незнания-что о знании-как⁸. Соответственно, если интроспекция₂ Борисова — это форма знания-как, то субъект, знающий как наделять свои слова значением, обязательно должен достоверно знать, что именно придает значение его языковым выражениям⁹. Вышеизложенные примеры призваны быть доводом в пользу того, что подобную возможность можно допустить.

5. Значение как употребление? Если мы говорим о проблеме следования правилу применимо к интерналистски и инфаллибилистски понятому знанию-что, то мы действительно остаемся и с локальным, и с тотальным скептицизмом относительно субъективного пропозиционального знания о правилах и значении. Вместе с этим выше было показано, что субъект может знать, как наделять свои слова значением, не будучи осведомленным об этом, поскольку само по себе знание-как допускает нерелексивность. Более того, и инфаллибилизм мы не обязаны принимать как догму — если наша концепция знания подразумевает возможность ошибки, то проблема следования правилу либо срезается на корню, либо просто инкорпорируется в нашу эпистемологию как структурный элемент знания о значении.

Критику предложенного Борисовым решения Нехаев резюмирует следующим требованием: «эпистемические решения скептической проблемы значения Крипке, чтобы мы могли принимать их всерьез, должны включать в себя некоторый аналог принципа суперверности наших знаний над фактами» [2, с. 69]. Как кажется, большинство существующих концепций знания вполне подходят для этих целей, поскольку предполагают условие фактивности. Эпистемические интерналисты и экстерналисты скорее расходятся в том, является ли конститутивным условием знания осведомленность субъекта о подобной суперверности. Выше уже отмечалось, что Нехаев исходит из интерналистской посылки в своем требовании *прегославить* факт, успешно и независимо обосновывающий некоторое знание [2, с. 69]. Строго говоря, как интерналистская эта посылка прочитывается, если считать, что факт должен предоставлять эпистемический агент. Учитывая дальнейшее указание на то, что подход Борисова рискует стать 'магической теорией', кажется, есть основание прочитать это требование именно таким образом.

Однако, если мы прочитываем требование предоставления эпистемической супервентности так, что это не обязательно должен совершать отдельный агент от первого лица, тогда Борисов успешно справляется с поставленной задачей. Он в буквальном смысле в своем тексте предоставляет независимое обоснование для знания о значении, а само это обоснование проистекает из указания на фундаментальный факт возможности речевого акта.

И, прежде чем рассмотреть эту часть аргументации Борисова, стоит все-таки задаться вопросом: а что это вообще может быть за способность — знать, как наделять слова значением?

На первый вопрос мы можем найти несколько ответов. Первый из них — витгенштейнианский. Поскольку правила задаются формами жизни, а сами формы жизни характеризуются грубым согласием, то можно сказать, что проявление подобного грубого согласия — это и есть проявление искомого знания-как-производить-значение. Каждый раз, когда языковая коммуникация не превращается в скетч о философии языка из *Шоу Фрая и Лори* (то есть в непрекращающуюся череду уточнений и сомнений в том, что мы говорим), мы фактически реализуем знание-как-производить-значение. Уточнения и творческая интерпретация правил являются реализацией того же практического знания, как наделять языковые выражения значением. Другой вариант ответа проистекает из оптики эволюционной эпистемологии. Мы можем объяснить, как успехи в понимании значения слов, употребляемых другими людьми, так и широкие возможности по манипуляции значением и его пониманием, специфическим эволюционным приобретением человечества. Вполне ясно, что стороннику проблемы следования правилу не понравится ответ, состоящий в том, что, грубо говоря, проблему решила сама эволюция. Но, возможно, только потому, что скептик из текстов Крипке будто бы заведомо хочет от нас получить ответ о характере знания о значении не из таких областей, как эволюционная, натурализованная или социальная эпистемологии.

Возможны и другие трактовки, но и на этих двух мы можем увидеть, что они подразумевают обоснование знания-как-производить-значение некоторой внешней по отношению к субъекту инстанции. Когда же мы в ходе философского исследования указываем на подобную инстанцию, то мы как раз и приводим факт, обосновывающий чье-то знание о значении. Что действительно является такой инстанцией — это отдельный вопрос.

Учитывая все это, может, стоит задуматься над тем, что, возможно, проблема следования правилу неразрешима только инструментами интерналистской (картезианской) эпистемологии, которыми ее предполагается разрешать?

Проблема следования правилу заведомо задает интерналистскую посылку, согласно которой субъект знает только тогда, когда он знает *достоверно*, когда он *осведомлен* о собственном знании. Простое введение в рассмотрение вопроса концепции знания-как и такого метакогнитивного явления, как незнание о знании, если и не дисквалифицирует саму проблему, то показывает, что скептик относительно следования правилам желает получить очень конкретизированный ответ на вопрос о том, откуда мы знаем, какое значение имеют наши языковые выражения. Он желает получить ответ в форме инфалибилистского, пропозиционального и рефлексивного знания. Уже стандартный комму-

нальный ответ Крипке на проблему — это, по своей сути, шаг в сторону от картезианской к социальной эпистемологии.

Проблема лишь в том, что скептику в таком случае стоит как-то обосновать, почему знание о значении должно быть исключительно интерналистским и пропозициональным. Что, если допустить, что посредством некоторой когнитивной способности субъект знает значение языковых выражений только в 9 из 10 случаев? Кажется, что такое условие сохраняет проблему следования правилу в ее локальной форме, однако лишает ее предполагаемой теоретической и практической силы. Более того, такое допущение кажется нашей ординарной ситуацией. Да, порой значение языковых выражений может ускользнуть от тех, кто их же и использует, но из этого не следует, что они неверно употребляют эти самые выражения и могут только гадать о значении слов. Принципиально то, что в большинстве ситуаций мы понимаем значение языковых выражений просто в качестве *грубого факта*.

Нечто похожее делает и Борисов, когда пишет, что мы «либо говорим, либо нет» [1, с. 27]. Конечно, здесь имеется более сложное отождествление наличия значения с возможностью осмысленного речевого акта. Здесь закон непротиворечия призван защитить идею о том, что (1) языковые выражения либо имеют, либо не имеют значения; (2) если коммуникация возможна, то только потому, что языковые выражения достаточно часто имеют определенное значение; (3) возможность коммуникации — грубый факт; (4) следовательно, языковые выражения имеют значение. Похожим образом рассуждает Аристотель в четвертой книге *Метафизики*, когда приходит к выводу, что человек, отрицающий закон непротиворечия, «подобен растению» [25, с. 88], — по всей видимости, растению, проявляющему фототропизм по отношению к источнику света; соответственно, человек, не понимающий значения принципа непротиворечия, в речевом акте подлинно не участвует, хотя и может реагировать на него так же, как растение на свет.

Специфика данной аргументации в том, что она, взятая в столь изолированном виде, направлена против человека, осведомленно принимающего позицию, ведущую к перформативному противоречию или самоопровержению. Но из этого не следует, что человек, следующей позиции, не ведущей к перформативному противоречию, должен быть идеально или хотя бы как-то осведомлен о ней. Как кажется, на этом моменте становится ясным, что, впуская в обсуждение проблемы следования правилу знание-как и принимая то, что субъект может быть не осведомлен о собственном знании-как, мы вплотную подбираемся к известному концепту значения как употребления, где употребление и может быть понято как искомое знание-как-производить-значение. Кроме того, и сам набор известных биохевиористски-ориентированных высказываний Витгенштейна, вроде утверждения, что «'внутренний процесс' нуждается во внешних критериях» [26, с. 238], можно теперь рассмотреть еще и как высказывания, ориентирующиеся на экстернализм в эпистемологии.

6. Заключение. Подведем итог. Во-первых, если мы допускаем, что знание о значении может быть дано посредством знания-как, некоторой способности производить значение, то стоит либо допустить возможность нерефлексивного знания (метакогни-

тивного незнания-что о знании-как), либо объяснить, почему оно недопустимо (в данном случае или в принципе). Введение нерелексивного знания-как, в свою очередь, оправдывает прямое решение самой проблемы.

Критика Нехаева указывает на проблемную точку прямого решения Борисова — требование от субъекта достоверного (в интерналистском смысле) знания о значении. Если мы утверждаем возможность знания о значении в форме знания-как, конститутивно связанного с возможностью совершать речевые акты (и тем самым получать характерное для знания-как перформативное подтверждение в воплощении соответствующего действия), то мы (при обычной трактовке знания-как) должны допускать, что субъект может быть о нем не осведомлен. Здесь стоит провести важную параллель между примером с фермером и апелляцией Борисова к речевым актам. Если мы готовы признать, что фермер знает, как определять пол цыплят в случае, когда он фактически успешно определяет их пол, то мы также должны быть готовы признать, что субъект знает, как наделять языковые выражения достаточным для ведения речевого акта значением, если он фактически успешно вступает в речевые акты. Возможные контрдоводы о том, что субъекты могут намеренно генерировать речевые акты, языковые выражения в которых не обладают значением, сыграют только на руку подобному решению проблемы следования правилу, поскольку возможность тонкой иронии и злоупотребление некоторыми возможностями правила подразумевают понимание этого самого правила. Более открытым для критики остается сам момент отождествления значения с речевыми актами.

Во-вторых, кажется, что проблема следования правилу предполагает фоновую посылку эпистемического интернализма, которая предзадает допустимую (для скептика) форму ответа. Данная посылка являет собой представление о том, что ответ должен быть дан в форме утверждения возможности пропозиционального знания о значении, которое достоверно известно субъекту. Вопрос о том, почему именно мы должны ограничивать подобным образом допустимый спектр возможных ответов, таким образом, является открытым.

В-третьих, все это не значит, что машина по производству значения оказывается от нас навечно скрыта. Добывать пропозициональное знание о том, как происходит *употребление*, трудно. Если это в некотором роде единственное, что мы можем узнать о языковых выражениях, то у нас действительно появляется мотивация свести значение к употреблению. Аргументация в пользу перформативного противоречия тотального скептицизма относительно значения только подчеркивает это, поскольку в данном случае скептики употребляют слова так, как, согласно содержанию этих слов, они не могут быть употреблены. Локальный скептицизм, в свою очередь, не исключает возможности следования правилам, то есть эксплицитно не исключает возможность знания *как* следовать правилам. Чтобы исключить возможность знания правил или значения, локальный скептицизм должен исходить из того, что знание, как употреблять слова со значением, обязательно *должно* подразумевать второпорядковое пропозициональное знание о значении этих слов. Как было показано, у нас нет оснований соглашаться с этим долженствованием просто так.

В результате проблема следования правилу (в смысле локального скептицизма относительно значения) исключает лишь возможность точной атрибуции пропозиционального знания о значении, а не саму возможность знания. Если мы не считаем, что все знание по своей сути сводится к релексивному пропозициональному знанию, то проблема следования правилу не угрожает возможности знать, как этим самым правилам следовать.

Примечания

¹ В данном случае предполагается принцип дедуктивной или эпистемической замкнутости, который в общем случае говорит о том, что если у P есть некоторый положительный эпистемический статус, а из P следует Q , то Q должно иметь такой же эпистемический статус просто по факту этого следования. Например, в своей известной статье Эдмунд Геттиер рассматривает концепцию знания, которая предполагает передачу обоснования от одной пропозиции к другой по этому принципу [4, р. 121]. В скептических дебатах роль принципа дедуктивной замкнутости стала судьбоносной, поскольку он в равной мере используется как сторонниками предложенного Муром доказательства существования внешнего мира, так и его оппонентами [5, р. 521–526; 6, р. 350].

² Придуманый Дрекке пример представлен в статье намеренно. Хотя он и о другом, но его «геттиероподобный» сценарий базируется вокруг вполне обыденной формы возражения к суждениям, претендующим на истину или знание. Вы некоторым образом обосновываете одну позицию, а ваш оппонент указывает на другую позицию, которая, с его точки зрения, следует из вашей и на которую имеющееся обоснование (по крайней мере, столь же хорошо) не распространяется. Предполагаемый итог такого хода — сомнение в начальной позиции.

³ Описания типовых вариаций эпистемического фундаментализма можно посмотреть, к примеру, в работе Тодда Лонга [9].

⁴ Само по себе обращение к экстернализму как к общей исследовательской установке для рассмотрения парадокса следования правилу не является чем-то новым. Например, Александр Миллер рассматривает решение Джона Макдауэлла как следующее из его когнитивного экстернализма [14]. В данном случае подразумевается позиция, согласно которой значение (то, что может быть познано) хотя бы частично определяется внешней по отношению к агенту средой.

⁵ Более изобретательными аргументами против КК-принципа прославился Тимоти Уильямсон [16, 17].

⁶ Мне видится, что похожее прочтение диалога Сократа и раба из *Менона* можно обнаружить у Жака Лакана, если закрыть глаза на то, что это прочтение значит и может значить для его психоанализа [22, с. 27–30].

⁷ Например, научившись монтировать звуковую дорожку в DAW (цифровой звуковой рабочей станции), вы скорее всего будете знать, как сделать это и в программах для монтажа видео, но необязательно будете осознавать последнее, пока не попробуете. Речь не о том, что, обретая одно знание-как, вы обретаете еще какое-то — вы просто не знаете (в пропозициональном смысле) всех контекстов применения даже того знания-как, о котором все-таки что-то знаете.

⁸ Но возможно ли второпорядковое незнание-как (своего рода незнание-как незнания-как)? Похоже, что нет, поскольку тогда фермеру пришлось бы приписать некоторую противоречивую способность, в рамках которой он умеет распознавать пол цыплят, но 'не умеет уметь'. Возможно, глубокий диалектизм данного 'незнания-как незнания-как' еще станет предметом философского анализа, но для целей этого текста будет достаточно отметить, что без разделения на знание-как и знание-что довольно трудно приводить четкие примеры 'незнания о знании'. Подчеркнем, что речь именно о примерах,

а не о самом концепте 'незнания о знании', который вводится без предварительного деления на знание-что и знание-как. Например, в эпистемическую логику этот концепт можно вести через отрицание транзитивности отношения достижимости между возможными мирами [17, р. 973–975]. В остальном же кажется уместным, что если мы действительно можем пребывать в таком метакогнитивном состоянии, как незнание о знании, то обычно это касается только отдельного класса специфических познавательных ситуаций, где проявляется зазор между воплощенным знанием-как и пропозициональным знанием-что.

⁹ Стоит заметить, что схожий подход (хотя и без опоры на концепт знания-как) развивал Игорь Прись, — в частности, его рассмотрение проблемы следования правилу включает представления о нерефлексивности знания о значении, имплицитности правил (которые могут стать эксплицитными только постфактум после возникновения определенного факта следования им) и спонтанности языковых игр [23; 24, с. 58–63].

Список источников

1. Борисов Е. В. Прямое решение проблемы Крипке // Эпистемология и философия науки. 2024. Т. 61, № 2. С. 23–32. DOI: 10.5840/eps202461219. EDN: EHLXLG.
2. Нехаев А. В. Злой демон Крипке, картезианская семантика и эпистемическая супервентность // Эпистемология и философия науки. 2024. Т. 61, № 2. С. 60–70. DOI: 10.5840/eps202461223. EDN: CHJAKE.
3. Dretske F. I. Epistemic operators // Journal of Philosophy. 1970. Vol. 67, № 24. P. 1007–1023. DOI: 10.2307/2024710.
4. Gettier E. L. Is justified true belief knowledge? // Analysis. 1970. Vol. 23, № 6. P. 121–123. DOI: 10.1093/analys/23.6.121.
5. Pryor J. The skeptic and the dogmatist // Noûs. 2000. Vol. 34, № 4. P. 517–549. DOI: 10.1111/0029-4624.00277.
6. Pryor J. What's wrong with Moore's argument? // Philosophical Issues. 2004. Vol. 14, № 1. P. 349–378. DOI: 10.1111/j.1533-6077.2004.00034.x.
7. Крипке С. А. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке / пер. с англ. В. А. Ладова, В. А. Суровцева. Москва: Канон+, 2010. 256 с.
8. Ладов В. А. Иллюзия значения. Проблема следования правилу в аналитической философии. Москва: Канон+ РООИ Реабилитация, 2023. 336 с.
9. Long T. R. Epistemic justification // Introduction to philosophy: Epistemology / Eds. В. С. Barnett, С. Hendricks. Montreal: The Rebus Community, 2021. P. 20–34.
10. Goldman A. Internalism, externalism, and the architecture of justification // The Journal of Philosophy. 2009. Vol. 106, № 6. P. 308–338. DOI: 10.5840/jphil2009106611.
11. Madison BJC. Epistemic internalism // Philosophy Compass. 2010. Vol. 106, № 5. P. 840–853. DOI: 10.1111/j.1747-9991.2010.00333.x.
12. Carter J. A., Kallestrup J., Palermos S. O., Pritchard D. Varieties of externalism // Philosophical Issues. 2014. Vol. 24, № 1. P. 63–109. DOI: 10.1111/phils.12026.
13. Bonjour L. Internalism and externalism // The Oxford Handbook of Epistemology / Ed. P. K. Moser. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 234–264.
14. Miller A. Rule-following and externalism // Philosophy and Phenomenological Research. 2004. Vol. 68, № 1. P. 127–140. DOI: 10.1111/j.1933-1592.2004.tb00329.x.
15. Хинтикка Я. О подобающих (попперовских?) и неподобающих способах употребления понятия информации в эпистемологии / пер. с англ. Д. Г. Лахути // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / Ред. В. Н. Садовский. Москва: Эдиториал УРСС, 2000. С. 291–197.
16. Williamson T. Inexact knowledge // Mind. 1992. Vol. 101, № 402. P. 217–242. DOI: 10.1093/mind/101.402.217.
17. Williamson T. Very improbable knowing // Erkenntnis. 2014. Vol. 5, № 79. P. 971–999. DOI: 10.1007/s10670-013-9590-9.
18. Pritchard D. What is this thing called knowledge? New York: Routledge, 2006. 188 p.
19. Райл Г. Понятие сознания / пер. с англ. Е. Крупенина, В. Селиверстова, Д. Симонова, З. Сокулер. Москва: Идея-пресс, Дом Интеллектуальной Книги, 1999. 408 с.
20. Уинч П. Идея социальной науки и ее отношение к философии / пер. с англ. М. Горбачева, Т. Дмитриева. Москва: Русское феноменологическое общество, 1996. xxi + 107 с.
21. Платон. Менон / пер. с др.-греч. А. Ошерова // Собрание сочинений. В 4 т. Москва: Мысль, 1990. Т. 1. С. 575–612.
22. Лакан Ж. Семинары, Книга 2. 'Я' в теории Фрейда и в технике психоанализа (1999) / пер. с фр. А. Черноглазова. Москва: Гнозис, Логос, 2009. 520 с.
23. Прись И. Е. Витгенштейновская проблема следования правилу: МакДауэлл versus Роберт Брэндом // Философская мысль. 2016. № 1. С. 42–53. DOI: 10.7256/2409-8728.2016.1.17533. EDN: VJXAUV.
24. Прись И. Е. Тревога, аутентичность и структура рациональности // Философия науки. 2021. № 2 (89). С. 44–68. DOI: 10.15372/PS20210204. EDN: GKMBCS.
25. Аристотель. Метафизика / пер. с др.-греч. А. В. Маркова. Москва: РИПОЛ Классик, 2018. 384 с.
26. Витгенштейн Л. Философские исследования / пер. с нем. М. С. Козловой, Ю. А. Асеева // Философские работы. В 2 ч. Москва: Гнозис, 1994. Ч. I. С. 75–319.

КАРДАШ Алексей Михайлович, аспирант Отдела теории познания и методологии науки Института философии Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Беларусь.
SPIN-код: 8810-5990
AuthorID (РИНЦ): 1145532
ORCID: 0000-0002-9683-0601
ResearcherID: AGN-9675-2022
Адрес для переписки: krdwalexei@gmail.com

Для цитирования

Кардаш А. М. Экстернализм и знание: как следовать правилам // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 2. С. 94–103. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-2-94-103. EDN: PIWYZJ.

Статья поступила в редакцию 23.01.2025 г.

© А. М. Кардаш

EXTERNALISM AND KNOWLEDGE: HOW TO FOLLOW RULES

The aim of the paper is to show that Kripke-Wittgenstein's rule-following paradox assumes the premise of epistemic internalism that inappropriately restricting the admissible answers about how agents can know the rules or meanings of linguistic expressions. It is argued that the rule-following problem does not concern knowledge of rules or meaning in general, but only the attribution of propositional knowledge according to internalist criteria. It is considered how the rejection of the internalist premise in Evgeny Borisov's direct solution avoids the criticism put forward by Andrei Nehaev.

Keywords: local skepticism, rule-following, knowing-how, externalism, internalism, epistemology.

References

1. Borisov E. V. Pryamoe reshenie problemy Kripke [A straight solution to Kripke's problem]. *Epistemologiya i filosofiya nauki. Epistemology & Philosophy of Science*. 2024. Vol. 61, no. 2. P. 23–32. DOI: 10.5840/eps202461219. EDN: EHLXLG. (In Russ.).
2. Nekhaev A. V. Zloi demon Kripke, kartezianskaya semantika i epistemicheskaya superventnost' [Kripke's evil demon, Cartesian semantics and Epistemic supervenience]. *Epistemologiya i filosofiya nauki. Epistemology & Philosophy of Science*. 2024. Vol. 61, no. 2. P. 60–70. DOI: 10.5840/eps202461223. EDN: CHJAKE. (In Russ.).
3. Dretske F. I. Epistemic operators. *Journal of Philosophy*. 1970. Vol. 67, no. 24. P. 1007–1023. DOI: 10.2307/2024710. (In Engl.).
4. Gettier E. L. Is Justified true belief knowledge? *Analysis*. 1970. Vol. 23, no. 6. P. 121–123. DOI: 10.1093/analys/23.6.121. (In Engl.).
5. Pryor J. The skeptic and the dogmatist. *Noûs*. 2000. Vol. 34, no. 4. P. 517–549. DOI: 10.1111/0029-4624.00277. (In Engl.).
6. Pryor J. What's wrong with Moore's argument? *Philosophical Issues*. 2004. Vol. 14, no. 1. P. 349–378. DOI: 10.1111/j.1533-6077.2004.00034.x. (In Engl.).
7. Kripke S. Vitgenshtein o pravilakh i individual'nom yazyke [Wittgenstein about rules and personalised language] / trans. from Engl. by V. A. Ladov, V. A. Surovtsev. Moscow, 2010. 256 p. (In Russ.).
8. Ladov V. A. Illyuziya znacheniya. Problema sledovaniya pravilu v analiticheskoi filosofii [The illusion of meaning. The problem of following a rule in analytical philosophy]. Moscow, 2023. 336 p. (In Russ.).
9. Long T. R. Epistemic justification // Introduction to philosophy: Epistemology / Eds. B. C. Barnett, C. Hendricks. Montreal: The Rebus Community, 2021. P. 20–34. (In Engl.).
10. Goldman A. Internalism, externalism, and the architecture of justification. *The Journal of Philosophy*. 2009. Vol. 106, no. 6. P. 308–338. DOI: 10.5840/jphil2009106611. (In Engl.).
11. Madison BJC. Epistemic internalism. *Philosophy Compass*. 2010. Vol. 106, no. 5. P. 840–853. DOI: 10.1111/j.1747-9991.2010.00333.x. (In Engl.).
12. Carter J. A., Kallestrup J., Palermos S. O., Pritchard D. Varieties of externalism. *Philosophical Issues*. 2014. Vol. 24, no. 1. P. 63–109. DOI: 10.1111/phis.12026. (In Engl.).
13. Bonjour L. Internalism and externalism // The Oxford Handbook of Epistemology / Ed. P. K. Moser. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 234–264. (In Engl.).
14. Miller A. Rule-following and externalism. *Philosophy and Phenomenological Research*. 2004. Vol. 68, no. 1. P. 127–140. DOI: 10.1111/j.1933-1592.2004.tb00329.x. (In Engl.).
15. Hintikka J. O podobayushchikh (popperovskikh?) i nepodobayushchikh sposobakh upotrebleniya ponyatiya informatsii v epistemologii [On proper (Popper?) and improper uses of information in epistemology] / trans. from Engl. by D. G. Lakhuti // Evolyutsionnaya epistemologiya i logika sotsial'nykh nauk: Karl Popper i ego kritiki [Evolutionary Epistemology and the logic of the social sciences: Karl Popper and his critics] / Ed. V. N. Sadovskiy. Moscow, 2000. P. 291–197. (In Russ.).
16. Williamson T. Inexact knowledge. *Mind*. 1992. Vol. 101, no. 402. P. 217–242. DOI: 10.1093/mind/101.402.217. (In Engl.).
17. Williamson T. Very improbable knowing. *Erkenntnis*. 2014. Vol. 5, no. 79. P. 971–999. DOI: 10.1007/s10670-013-9590-9. (In Engl.).
18. Pritchard D. What is this thing called knowledge? New York: Routledge, 2006. 188 p. (In Engl.).
19. Ryle G. Ponyatie soznaniya [The concept of mind] / trans. from Engl. by E. Krupenin, V. Seliverstov, D. Simonov, Z. Sokuler. Moscow, 1999. 408 p. (In Russ.).
20. Winch P. Ideya sotsial'noi nauki i ee otnoshenie k filosofii [The idea of a social science and its relation to philosophy] / trans. from Engl. by M. Gorbachev, T. Dmitriyev. Moscow, 1996. xxi + 107 p. (In Russ.).
21. Plato. Menon [Meno] / trans. from Anc. Greek by A. Osherov // Sobraniye sochineniy. V 4 t. [Collected works. In 4 vols.]. Moscow, 1990. Vol. 1. P. 575–612. (In Russ.).
22. Lacan J. Seminary. Kniga 2: 'Ya' v teorii Freida i v tekhnike psikoanaliza (1999) [The seminar of Jacques Lacan. Bk. 2: the ego in Freud's theory and in the technique of psychoanalysis] / trans. from Fr. by A. Chernoglazov. Moscow, 2009. 520 p. (In Russ.).
23. Pris' I. E. Vittgenshteinovskaya problema sledovaniya pravilu: MakDauell versus Robert Brendom [Wittgenstein's rule-following problem: McDowell versus Robert Brandom]. *Filosofskaya mysl'. Philosophical Thought*. 2016. No. 1. P. 42–53. DOI: 10.7256/2409-8728.2016.1.17533. EDN: VJXAUV. (In Russ.).
24. Pris' I. E. Trevoga, autentichnost' i struktura ratsional'nosti [Anxiety, authenticity, and structure of rationality]. *Filosofiya*

nauki. *Philosophy of Sciences*. 2021. No. 2 (89). P. 44–68. DOI: 10.15372/PS20210204. EDN: GKMBCS. (In Russ.).

25. Aristotle. *Metafizika* [Metaphysics] / trans. from Anc. Greek by A. V. Markov. Moscow, 2018. 384 p. (In Russ.).

26. Wittgenstein L. *Filosofskiye issledovaniya* [Philosophical investigations] / trans. from Germ. M. S. Kozlova, Ju. A. Aseev // *Filosofskiye raboty*. V 2 ch. [Philosophical works. In 2 parts]. Moscow, 1994. Part 1. P. 75–319. (In Russ.).

KARDASH Aleksey Mikhaylovich, Graduate Student of the Theory of Cognition and Methodology of Science Department, Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
SPIN-code: 8810-5990

AuthorID (RSCI): 1145532

ORCID: 0000-0002-9683-0601

ResearcherID: AGN-9675-2022

Correspondence address: krdwalexai@gmail.com

For citations

Kardash A. M. Externalism and knowledge: how to follow rules. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2025. Vol. 10, no. 2. P. 94–103. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-2-94-103. EDN: PIWYZJ.

Received January 23, 2025.

© A. M. Kardash